

УДК 94(47).084

М.В. Головизнин

*Московский государственный медико-стоматологический университет
им. А.И. Евдокимова*

ВАРЛАМ ШАЛАМОВ И ЛЕВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС 1960-Х ГОДОВ

В статье представлен анализ материалов, касающихся проблемы «В.Т. Шаламов и левый политический дискурс Запада», в частности издания первого перевода «Колымских рассказов» на французский язык, выпущенного в 1969 году бывшим членом IV Интернационала Морисом Надо (1911–2013). В работе впервые публикуются некоторые документы из архива переводчика книги Жан-Жака Мари: письмо издателя, из которого следует, что Шаламов знал о подготовке перевода и дал согласие на его издание во Франции. Помимо документов, материалом для анализа послужил шаламовский текст «Письмо старому другу», записные книжки Шаламова начала 1970-х годов, в которых он дает оценки западным левым и ряд других материалов. Интерес писателя к западным левым радикалам и их идеям перекликается с его пиететом к Эрнесто Че Геваре и имеет, на наш взгляд, глубокие корни, идущие от участия Шаламова влевой оппозиции конца 1920-х годов. Этот интерес позволяет допустить возможность прямых или опосредованных контактов Шаламова с западными левыми, а мысли писателя о гласности как лучшем врачевателе «социальных язв» России объясняют возможность передачи автором «Колымских рассказов» за рубеж. С другой стороны, упадок левых сил в мире в 1970-е годы, поворот советских диссидентов вправо вызвал негативную реакцию у Шаламова, которая отразилась в письме в «Литературную газету» от 16 февраля 1972 года.

В.Т. Шаламов, Жан-Жак Мари, Морис Надо, Колымские рассказы, новые левые, диссидентское движение в СССР.

Поводом для настоящей работы послужила дискуссия на вечере памяти писателя Варлама Тихоновича Шаламова в Вологде 16.01.2021 когда Шаламовскому дому-музею была передана книга «Récits de Kolyma» – первое издание «Колымских рассказов» во Франции, выпущенное в 1969 году издателем Морисом Надо (1911–2013), левым политическим активистом, участником Сопротивления в годы войны, членом французской секции IV Интернационала, основанного Л.Д. Троцким. Вместе с книгой в музей также были переданы письма издателя и воспоминания первого переводчика «Колымских рассказов» на французский язык, историка и левого публициста Жан-Жака Мари (род. в 1937 г.), касающиеся истории выхода книги. Хотя документы, дополняющие историю шаламовского «тамиздата», интересны сами по себе, мы посчитали необходимым показать предысторию и тот фон, на котором публикация шаламовских текстов во Франции была сделана. Это обусловило формулировку темы.

«Троцкизм» Варлама Шаламова

Как следует из биографической справки о Шаламове, опубликованной во французском издании, и из свидетельств переводчика, парижские издатели знали о том, что его первый арест в 1929 году был связан с распространением листовок Левой оппозиции в ВКП(б), лидерами которой были Л.Д. Троцкий и Г.Е. Зиновьев. Сразу стоит определиться с терминами.

Сторонники Левой оппозиции называли себя «большевиками-ленинцами», выступая за восстановление ленинских норм в партии, о чем свидетельствовал их главный лозунг: «Повернем огонь направо – против нэпмана и бюрократа». Название «троцкисты», которое в виде политического ярлыка использовали их противники для создания образа врага, самими левыми оппозиционерами воспринималась как инвектива. В современном политическом лексиконе термин «троцкисты» используется для обозначения левых течений, разделяющих идеи Л.Д. Троцкого, и далеко не всегда воспринимается как негатив. Более подробный анализ этого этапа биографии писателя был произведен нами ранее¹. Здесь мы считаем нужным коснуться данной темы, чтобы лучше представить исторический контекст проблемы «Шаламов – западные левые», а во-вторых, в связи с тем, что чрезвычайно живучее в умах представление о «троцкизме» как «абсолютном зле» русской истории не обошло и Шаламова, создав немало спекуляций.

Пальма первенства в этом отношении принадлежит, пожалуй, писателю-«государственнику» Ю. Полякову, неоднократно выступавшему в печати с тези-

¹ Подробнее об этом см.: Головизнин Марк. Варлам Шаламов и внутрипартийная борьба 20-х годов // Шаламовский сборник. Вып. 3. Вологда: Грифон, 2002. С. 160–168. URL: <https://shalamov.ru/research/28/> (дата обращения: 10.06.2021).

сом, что Шаламов – «троцкист», следовательно, получил лагерный срок «за дело»². Вынужденный-таки цитировать реальные свидетельства участия Шаламова в Левой оппозиции, из которых никак нельзя сделать выводы о государственных или партийных преступлениях ее участников, Ю. Поляков, как «герой оговорочки», декларирует: [Шаламову] «хотелось всего-навсего мировой революции, к которой звал великий Ленин и которой пренебрег кремлевский горец Сталин. Правда, неизвестно еще, что стало бы со страной, победи тогда “перманентники”»³ (курсив наш. – М. Г.) [14].

С другой стороны, показательным является недавнее интервью литературоведа и шаламововеда Е. Михайлик ресурсу gorky.media: «[Вопрос]: ...И поэтому сейчас некоторые неавторитарные левые любят записывать его [Шаламова] в троцкисты? [Ответ Е. М.] – Это, простите, анекдот. Троцкистом Шаламов не был. Его отношение к революционному насилию известно. Против индивидуального террора он, кажется, ничего не имел. А против системного классового насилия имел и неоднократно эту позицию выражал. Присоединился к троцкистской оппозиции он просто по той причине, что это была единственная доступная оппозиция...» [12].

Комментируя вышесказанное, добавим, что «неавторитарные левые» (современные антисталинские группы, в том числе и «троцкисты») не часто обращаются к Шаламову по двум причинам: он не был идеологом или теоретиком оппозиции, а также потому, что жанр художественной литературы в силу допустимости вымысла не кажется для «неавторитарных левых» весомым аргументом в политическом споре, который они ведут со своими оппонентами. Увы, чаще тема «троцкизма» применительно к Шаламову педалируется именно с позиций «абсолютного зла», во-первых, теми, кто склонен оправдывать репрессии 30-х годов как борьбу Сталина с «троцкистами» – «реальными врагами народа». В их писаниях Шаламов представлен именно как «озлобленный троцкист-антисоветчик», «получивший по заслугам». Во-вторых, как это видно из интервью с Е. Михайлик, проблема «Шаламов – “троцкизм”» рассматривается и со знаком «минус»: дескать, будущий писатель никогда и ни при каких обстоятельствах не мог быть близок к «троцкизму», а его участие в Левой оппозиции было обусловлено случаем, «юношеским максимализмом», «подсознательным протестом» против отцовской авторитарности, чем угодно, но только не идеологией. Так считают люди, находящиеся в плену

запущенного еще в сталинские времена пропагандистского мифа, что именно Троцкий является основоположником государственного насилия в СССР, именно он несет главную ответственность за все эксцессы гражданской войны по отношению к казачеству, к крестьянским восстаниям или к оппозиционным большевикам течениям, включая эсеров или кронштадтских инсургентов.

Если вернуться к Шаламову, то факты свидетельствуют – да, он не только распространял листовки, но был достаточно знаком с идеями и программными установками Левой оппозиции, а также являлся активным участником внутренних дискуссий, которые велись между ее различными фракциями в 1928 году, в том числе и по нелегальным каналам. Об этом говорят опубликованные материалы его первого следственного дела [23, с. 948–960]. Столь же очевидно, что позже, находясь в Вишерских лагерях, Шаламов, вероятно под влиянием волны капитуляций ряда руководящих оппозиционеров⁴, отошел от оппозиции и больше никогда организационно к ней не возвращался. Т.е. период шаламовского реального участия в Левой оппозиции укладывается примерно в полтора года или чуть больше.

Отсылая читателя к уже опубликованным работам по этой теме, мы подчеркнем, что очень точную характеристику значения Левой оппозиции для Шаламова дал его главный оппонент – А.И. Солженицын, бросивший на страницах «Нового мира» упрек: «Ведь, несмотря на весь колымский опыт, на душе Варлама остается налет сочувственника революции и 20-х годов. *Та политическая страсть*, (курсив наш. – М. Г.) с которой он когда-то в молодости поддерживал оппозицию Троцкого – видимо, не забыта и с 18-ю годами лагерей...» [18, с. 166–168]. Действительно, несмотря на все лагерные и послелагерные перипетии, Шаламов остался верен усвоенным в молодости идеалам Октябрьской революции. И материалы дела 1929 года, и шаламовская мемуарная эссеистика свидетельствуют, что будущему писателю был близок именно главный политический лозунг Левой оппозиции «Повернем огонь направо против нэпмана и бюрократа», в котором выражался протест партийных низов (и не только их) против поглощения и партии, и советов государственным аппаратом в рамках выстроенной «вертикали власти» партийных секретарей, против роста материальных привилегий и неизбежного при этом расслоения и партии, и народа на «плебс» и привилегированные группы. В автобиографической прозе Шаламов четко отделял советские реалии 20-х годов, где «еще раз поднималась та самая волна свободы, которой дышал 17-й год» от реалий 30-х годов, вспоминая «бесконечные очереди в магазинах, талоны и карточки» и «закрытые распределители для при-

² Таким «делом» Полякову представляется борьба оппозиционеров за выполнение ленинского «Письма к съезду» о Сталине, которую он описывает в категориях «мочилов на выборах» заимствованных из современной политической кухни: «Добавлю от себя: с помощью этого завешания (есть версия, что поддельного) оппозиционеры хотели выбить из политической жизни Сталина. Не получилось. Выбивать начали их».

³ Хотя реальные факты участия в оппозиции уже а priori кажутся Полякову преступлением без срока давности, рассуждая о реабилитации Шаламова по делу 1929 года, он видимо, исчерпав список рациональных аргументов, ставит на одну доску «троцкизм» и ... валютные спекуляции: «Просто принадлежность к троцкизму в 2000 году уже не считалась преступлением, как и валютные спекуляции, а ведь еще при Хрущёве валютчикам “вышку” давали!» [14]

⁴ В мае 1929 года трое ведущих деятелей – Е. Преображенский, К. Радек и И. Смилга – подали заявление в ЦК об отходе от оппозиции с осуждением Троцкого. Позже таким же образом поступили М. Богуславский, И. Смирнов и многие другие. О настроениях Шаламова в тот период времени можно частично судить из строк его «антиромана» «Вишера». «Мне очень хотелось встреч... с вождями движения, ...и по ряду предметов хотел бы скрестить с ними шпагу, поспорить, прояснить кое-что, что было мне не совсем ясно во всем этом троцкистском движении» [25, с. 153].

вилегированных и надежных». Писатель, на наш взгляд, отдавал отчет, что это социальное расслоение времен «сталинского неонэпа»⁵ обострило противоречия и в партии и в советском обществе, которые вырвались наружу в годы «большого террора».

**Шаламовские плюсы и минусы.
Че-Гевара, «новые левые»,
Маркузе, Роже Гароди и... Юкио Мисима**

Наследиемлевой оппозиции можно объяснить и то, что Шаламов, писавший в 1929 году: «партия не представляет собой замкнутой касты», был сам лишен партийного фетишизма. Писатель с уважением пишет об эсерах – преемниках «Народной воли», столь же уважительно он пишет об анархистах, о большевистских лидерах Ленине, Троцком, Раскольникове. Главным качеством революционера Шаламов считал неразрывность слова и дела – воплощение революционных лозунгов и теорий в практику переустройства общества и слома старого государства. В очерке, посвященном Федору Раскольникову, таким воплощением писатель назвал «ленинскую прямую» – линию перехода от февральских митингов к октябрьскому вооруженному восстанию [26, с. 87].

Очерк о Ф. Раскольникове писался в конце 1960-х годов, когда по всему миру только закончились социальные потрясения. Среди них были и левая герилья в ряде стран Латинской Америки, и «Красный май» – социальный кризис 1968 года во Франции, когда студенческие демонстрации и всеобщая забастовка профсоюзов привели к отставке президента Шарля де Голля, а также антивоенное и антирасистское движение в США, вобравшее в себя 750 тысяч «новых левых», уличные бои в Токио, которые в марте 1969 года вели с полицией леворадикальные студенты, протестовавшие против японо-американского военного альянса и многие аналогичные события.

Ирина Павловна Сиротинская, друг Шаламова, рассказала, что в начале 1970-х годов она часто приносила ему различные не издававшиеся в СССР книги, как например труды А. Шопенгауэра, которые Варлам Тихонович брал из деликатности и вскоре откладывал в сторону. Неожиданно он попросил ее достать вышедшую в серии ЖЗЛ биографию Эрнесто Че Гевары, члена правительства революционной Кубы, который решил продолжить борьбу и уехал командовать партизанским отрядом в Боливию, где погиб в результате спецоперации, организованной ЦРУ⁶. Че Гевара Шаламов посвятил стихотворение со строками:

*Он мировую славу
Сумел преодолеть,
По собственному праву
Ушел на смерть. <...>*

*Пример единства дела
И высших слов
Он был душой и телом
Явить готов. <...>*

[27, с. 225–226].

В дневниковых записях Шаламова имеется несколько очень уважительных упоминаний о Че Геваре, написанных в аналогичном ключе. И.П. Сиротинская в своих воспоминаниях пишет: «часами рассказывал он [В.Т. Шаламов] мне о Че Геваре так, что и сейчас я ощущаю сырость сельвы и вижу человека, фанатично продирающегося через нее» [17, с. 26]. Как мы покажем дальше – максимуму неразрывности слова и дела Шаламов применял и революционерам – современникам Че Гевары.

В записных книжках Шаламова есть две заметки, сделанные в 1971 году, текстологический анализ которых вызвал определенные недоумения в шаламововедческих кругах. Первая заметка сообщает: «У меня формула очень простая: то, чему ты учишь, делай сначала сам <...> Но моя формула в своем существе иная – антивоенная, чуждая и даже противопоставленная духу подчинения и приказа. Поэтому “новые левые” +, Мисима +, а Гароди и Сахаров – минус» [22, с. 49]. Анализ текста позволил установить, что Шаламовым упомянут именно японский писатель Ю. Мисима, а не советский литератор В. Максимов, как считалось ранее. Это подтверждается текстом второй заметки, помещенной в той же самой тетради: «Мисиму можно уважать. Это – аргумент, характер. Но Бжезинский и прочие хитрожопые подстрекают. Им надо обязательно крови... далее неразборчиво» (чтение предложено В.В. Есиповым, 2015 г.) [8].

Если имена А.Д. Сахарова, «новых левых», включая французского философа «гошиста» Роже Гароди, согласуются с записями Шаламова о Че Геваре и Маркузе, отражающими интерес к революционному движению, то упоминание со знаком плюс Юкио Мисимы, писателя-традиционалиста, поклонника Муссолини, совершившего хакари при неудачной попытке захвата японской военной базы, сильно запутало дело, позволив некоторым исследователям говорить об аморфности политического мировоззрения позднего Шаламова.

Неясным до сего времени был и вопрос источников. Понятно, что по цензурным соображениям тексты Гароди, «новых левых» и тем более Мисимы в СССР не публиковались. Большая статья о Мисиме «Конец самурая», с рассказом о его последних часах вкупе с характеристикой его как «организатора фашистского переворота» была напечатана 9 декабря 1970 г. в «Литературной газете» [15], которую Шаламов регулярно читал⁷. Как оказалось, изучение статей «Литгазеты» за 1969–1970 годы не только позволило выявить всех фигурантов упомянутых записок писателя, но и предложить объяснение шаламовских «плюсов и минусов» именно с учетом его идейности.

«Литературная газета» в те годы, будучи ориентированной и на «друзей СССР» в разных странах, помещала материалы, призванные создать впечатление журналистской объективности в освещении массовых студенческих протестов и антивоенного движения, в которых участвовали не только подкон-

⁵ Термин предложен социологом, д-ром филол. наук Вадимом Роговиным. См.: Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1994.

⁶ Сообщение И.П. Сиротинской автору. 2007 г.

⁷ В архиве Шаламова в РГАЛИ имеются его многочисленные выписки и вырезки из статей, печатавшихся в «Литературной газете» начиная с 1959 года. Автор благодарен архивисту А.П. Гавриловой за возможность ознакомиться с ними.

трольные СССР компартии. Конфликт КПСС и компартии Китая, имевший огромный резонанс в мире, также требовал от идеологов СССР гибкости. В связи с этим в советской прессе тех лет появлялись квалифицированные обзоры, в том числе – по спорным вопросам международной политики. В «Литературной газете» были опубликованы статьи на целую полосу, посвященные критике идей Г. Маркузе, взглядов и тактики «новых левых», где наряду с грубыми переделками было немало правительной информации. Шаламов, как внимательный читатель, не мог не уловить, что и Маркузе, и другие «новые левые» критиковали не только империализм и западное «общество потребления», но также сталинизм, партийную бюрократию и рост социального неравенства в СССР. В статьях прорывалась информация, что протестующие левые «явочным порядком» организовали массы снизу на борьбу против эксплуататорского государства⁸. Вероятно, это позволило Шаламову сказать: «Маркузе. Великой пробы анархизм. XIX век был веком победы коммунизма – призраком коммунизма» [23, с. 325].

С другой стороны, в «Литературной газете» было немало написано и о «реформистах» из числа западных левых, к которым причислялся упомянутый Р. Гароди, дескать, разделявший «буржуазную теорию конвергенции»⁹, согласно которой капитализм с развитием техники и производительных сил якобы превратится в бесклассовое общество и «абсорбирует» СССР. Главным идеологом этой теории на страницах газеты был представлен ...Збигнев Бжезинский – тогда 42-летний политолог, лишь через 7 лет занявший место на американском политическом Олимпе¹⁰. С учетом негативного высказывания Шаламова о конвергенции: «Запад поторопился отгородиться от нас барьером из атомных бомб, обрекая нас на неравную борьбу в плоскости всевозможной конвергенции <...> говорить, что конвергенции сработались, могут толь-

ко авантюристы...» [22, с. 42], мы можем констатировать, что Шаламов ставил плюсы именно радикалам, стремившимся уничтожить социальное неравенство и ниспровергнуть капиталистическое государство, мобилизуя людей на борьбу, в том числе – вооруженную (как мы показали ранее, такой «плюс» получил и Э. Че Гевара). «Реформисты», разделявшие, по мнению Шаламова, «теорию конвергенции»: Роже Гароди¹¹ и советский диссидент, академик А. Д. Сахаров¹², получили «минус».

Как оказалось, загадка Шаламов – Мисима также имеет решение в политическом ключе. Так как в завершенной записки № 2, с упоминанием Мисимы, отчетливо читаются слова «... а не после других» (рис. 1),

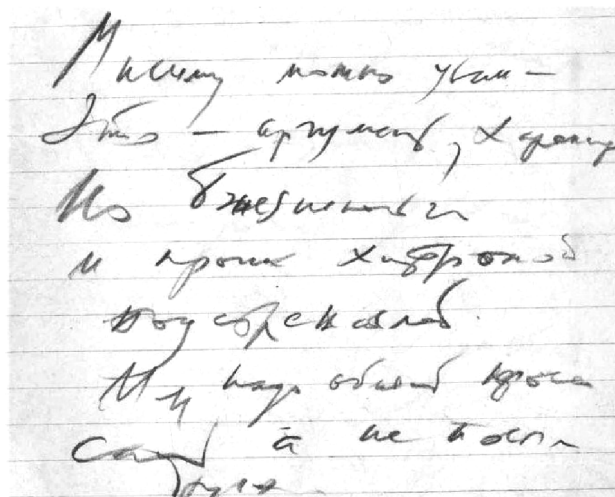

Рис. 1. Записка В.Т. Шаламова с упоминанием Ю. Мисимы. Фотоархив сайта www.shalamov.ru

мы, сравнив ее с другими рукописями писателя, предлагаем несколько иной вариант прочтения, чем был опубликован ранее: «Мисиму можно уваж[ать]. Это – аргумент, характер. Но [у] Бжезинского и прочих хитрожопость подстрекателей. Им надо [дать] ответ (отворот) короткий самый, а не после других». Отнюдь не претендуя на текстологические «прорывы», мы хотим проанализировать те части текста, чтение

⁸ Так, в статье Т. Емельянова «Лоскутные знамена “новых левых”», помимо фактов о многотысячных студенческих бунтах в университетах США, Франции, Германии и Японии и столкновениях с полицией, сообщалось, что всякое государство рассматривается «новыми левыми» как орудие подавления личности, которая по своей природе «обречена на борьбу против авторитарности» [6].

⁹ На самом деле попытки обвинить Р. Гароди в приверженности теории «конвергенции», являлись фальсификацией брежневской пропаганды. Как показывает сборник трудов Р. Гароди «Крутой поворот социализма», изданный на русском языке в начале 1970-х годов, он, в отличие от А.Д. Сахарова, не питал иллюзий по поводу «трансформаций» капитализма в бесклассовое общество, и не снимал с повестки дня необходимость социальной революции, т.к. основой капитализма, по его мнению, была и оставалась прибыль монополий и эксплуатация «третьего мира» [4, с. 69]. По-видимому, Шаламов не был знаком с оригинальными идеями Гароди.

¹⁰ Там же приводится цитата З. Бжезинского, что «Красный флаг на Сорбонне или Колумбийском университете – это молчаливое свидетельство психологической сложности перехода из индустриального века в век технотроники». В ЛГ в марте 1969 года была помещена огромная статья А. Кривицкого «Плоды просвещения г-на Бжезинского. По поводу антикоммунистической теории эволюции», где замечалось, что, по Бжезинскому, «теория эволюции, как и ранее теория конвергенции... это надежда на поглощение Советского Союза Соединенными Штатами в едином индустриальном обществе...». Автор статьи, на наш взгляд, прозорливо замечал, что декларируемый Бжезинским «демократический плюрализм» актуален постольку, поскольку служит геополитическим целям США, а «допущение марксизма, при условии его всяческого размягчения, принято теорией эволюции только в качестве временной рабочей гипотезы и только на экспорт в социалистические страны» [10].

¹¹ Следует отметить, что советская пресса тех лет, включая «Литературную газету», вела настоящую кампанию по дискредитации Р. Гароди, который в 1970 году был исключен из Политбюро ФКП и из партии за резкую критику брежневской политики в коммунистическом движении и военного вмешательства в дела ЧССР. В этих статьях Гароди назывался «примкнувшим к крайней антикоммунистической реакции» ренегатом. По-видимому, это оказало влияние на Шаламова.

¹² Как свидетельствует сборник речей и писем А.Д. Сахарова, опубликованный в Нью-Йорке в 1978 году, и в частности статья «Тревога и надежда», написанная для Нобелевского института в Осло, Сахаров в те годы разделял теорию эволюции западного общества «в направлении сближения с социалистическим миром» на основе «социалистических идей в их плюралистической антитоталитарной модификации» и, по-видимому, искренне считал, что давление западных лидеров на СССР побудит советское руководство к встречному движению. При этом академик, порицая левых «экстремистов» как «нетерпеливых лекарей», предлагающих лекарства опаснее самой болезни, одобительно отзывался об эволюции ряда компартий Запада, которые «не только не являются ни в каком смысле экстремистскими, но все больше отходят от просоветского догматизма в сторону классической социал-демократической идеологии» [16, с. 7–21].

которых бесспорно. На наш взгляд, эта запись с упоминанием Мисимы вкупе с подстрекателем Бжезинским имеет внутреннюю логику, обусловленную реакцией Шаламова на политические реалии Дальнего Востока в 1970 году, освещавшиеся в советской печати. Для Японии этот год стал кульминацией десятилетнего кризиса, связанного с американскими военными базами на ее территории. Массовые выступления против японско-американского военного альянса настолько накаляли атмосферу, что японский правящие круги были вынуждены отменить визит президента США, не имея возможности полностью гарантировать его безопасность. Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР с грифом «для служебного пользования» констатировал: в Японии «вопрос о возможности революции в 1970 году не выдуман, он дискутируется самими японцами...» [11, с. 7]. При этом против американских баз в Японии с разных позиций протестовали и левые, и правонационалистические силы. Последние, ностальгируя по военной мощи империи, видели в этих базах прямое унижение их страны. Правящие круги США, в свою очередь, пугали японское правительство как внешней, советской и китайской угрозой, так и внутренним бунтом в том случае, если договор о японско-американском сотрудничестве не будет пролонгирован. Все это давало основания для обвинения США в подстрекательстве милитаристских настроений для укрепления старых и строительства новых баз.

Ожидая расторжения военного договора между США и Японией, советская пресса писала о резком обострении японо-американских противоречий. В «Литгазете» за 1969–1971 гг. был опубликован ряд пространных статей, где ставился под сомнения тезис, что быстро развивающаяся Япония будет «таскать каштаны из огня» для США и мириться с военными базами США на ее территории¹³. Дистанцируясь от японских ультралевых, советская пропаганда пыталась играть на национальном унижении Японии со стороны США, апеллируя к японским традициям, в том числе боевым. В первый день 1969 года в «Литгазете» без указания авторства вышел материал «Три интервью в храме Яскуруни». Интервью были сделаны с оставшимися в живых летчиками-камикадзе, чьи товарищи «гибли за родину», топя во время Второй мировой войны американские линкоры, и чей командир адмирал Ониси сделал себе харакири в день капитуляции Японии [19]. Неделью спустя спецкорр «Литгазеты» Т. Чеботаревская рассказывала, «что в Японии как нигде в мире берегут традицию» и как японская традиционная культура сопротивляется «заокеанским образцам модернизации литературы и искусства» [21]. 17.06.1970 года там же в статье «Японские диалоги» целая колонка была посвящена Мисиме, где говорилось, что Мисима «очень талантлив, кумир молодежи... бросается в пекло студенческих дискуссий... даже те, кто не разделяет его идей, признают его искусство полемиста». Популярность

Мисимы настолько велика, что ему «молва готова приписать едва ли не все, написанное по-японски за последние годы». В статье повествовалось про создание Мисимой «личной гвардии» (которая в день его гибели участвовала в захвате военной базы), так как он «начинал с утверждения культа красоты и довольно быстро пришел к утверждению культа императора, в чем проявляются самые красивые черты японского национального духа...». Деньги на обмундирование волонтеров Мисима потратил из гонорара за книгу «Как нам защитить японскую культуру» [20]. Мы далеки от мысли, что Шаламов считал Мисиму левым, но, прочитав эти тексты, он мог истолковать «заслуживающую уважения» акцию Мисимы как протест против унижения Японии со стороны США на фоне роста антиамериканских и антивоенных волнений в этой стране. Что же касается обвинения Мисимы в фашизме, звучавшего из статьи «Конец самурая», то писатель, зная цену подобным вердиктам на собственном опыте и не имевший альтернативных источников информации, по-видимому, не спешил верить этим обвинениям. Так можно объяснить, почему Мисима оказался у Шаламова в одной связке с радикальными и умеренными левыми.

Процесс Синявского и Даниеля. «Письмо старому другу» и петиции в адрес Брежнева

Если в странах Европы и Азии в 1960-х годах волна противостояния общества и государства шла по нарастающей, то в СССР ситуация менялась в другую сторону. Устранение Хрущева «новобранцами 1937 года» во главе с Брежневым и Сусловым затормозило социальную активность, пробужденную XX съездом. «Колымские рассказы» были завершены автором к концу 60-х годов, как раз когда «лагерная тема» вновь оказалась под запретом. Неявный, но последовательный отход от линии XX и XXII съездов в конце 1960-х годов проявился рецидивом политических процессов. Суд над А. Синявским и Ю. Даниэлем, литераторами, чья «вина» была в том, что они шли значительно дальше официально разрешенной критики сталинской и постсталинской системы, всколыхнул общественное мнение, породив многочисленные письма протеста. В.Т. Шаламов также не остался в стороне. В сборнике «Белая книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля», изданном в 1967 году на Западе, был анонимно опубликован шаламовский текст «Письмо старому другу». Этот документ был не просто письмом протеста, а развернутым анализом социально-политической ситуации в постсталинском СССР, ставившим во главу угла непоследовательность критики «культа личности Сталина», при недопустимости критики системы. Одним из главных пунктов «Письма» были размышления автора о необходимости распространения правды о сталинизме там, где она востребована, как внутри страны, так и за рубежом. Для иллюстрации этой мысли Шаламов использовал цитату вольнодумца XIX века П.В. Долгокурова: «Многие из соотечественников наших говорят: “Не нужно рассказывать иностранцу истину о России, следует скрывать от них язвы отечества”. Эти слова, по нашему мнению, совершенно противны и

¹³ См., в частности: Петров Д. Партнеры или соперники // Литературная газета. 1969. 01 октября (№ 49); его же. Технология японского чуда // Литературная газета. 1970. № 38–40; его же. Доллар против иены // Литературная газета. 1971. 29 сентября.

здоровой логике, и личному достоинству, и отчизнолюбью, истинно просвещенному <...> Люди, желающие скрывать и утаивать язвы, похожи на опасных больных, которые предпочли бы страдать и умирать скорее, чем призвать на помощь искусного врача, который бы их исцелил и возвратил бы им обновленные свежие силы. Для России этот врач – гласность!» [24, с. 514–522].

В отношении «Письма старому другу», существует мнение, что оно было написано Шаламовым в качестве своеобразного «социального заказа» под нажимом его тогдашних друзей Л. Пинского и Н. Мандельштам, с которыми позже он порвал отношения, как и с другими «диссидентами»¹⁴. На наш взгляд, «Письмо старому другу» – аутентичный шаламовский документ. Главные его мысли – отмежевание партийно-государственной верхушки СССР от наиболее одиозных стигм сталинизма, неполнота и непоследовательность «десталинизации», равно как и убежденность Шаламова в использовании на московских процессах 30-х годов психофармпрепаратов для подавления воли подсудимых – перекликаются с дневниковыми записями и с прозой писателя. Глубоко шаламовскими являлись мысли, что дело Синявского и Даниэля – «первый советский открытый процесс, политический, когда обвиняемые по 58-й статье не признавались в своей вине, ...требуя уважения к свободе творчества, к свободе совести». Шаламов отмечает, что «следствие по этому процессу вызвало не только протест глухой, но и явный – в виде небывалого с 1927 года события – демонстрации у памятника Пушкину 5 декабря 1965 года, в которой участвовали студенты и преподаватели университета». Воспоминания академика Вяч. Вс. Иванова свидетельствуют, что во время упомянутой демонстра-

ции Шаламов находился неподалеку и наблюдал за ходом событий [9]. А статья соавтора «Белой книги» А.И. Гинзбурга «Двадцать лет тому назад» сообщает, что Шаламов присутствовал на нелегальных московских собраниях, где обсуждался ход процесса Синявского – Даниэля и знал о составлении «Белой книги» [5].

На наш взгляд, для написания «Письма старому другу» Шаламову не было необходимости вступать в какие-либо «диссидентские кружки». Недавно опубликованные воспоминания и переписка колымских друзей писателя показывают, что мысли, аналогичные изложенным в «Письме», о том, что критика «культ личности» маскирует табу на критику сталинизма как системы, присутствовали у А.С. Яроцкого, И.С. Исаева, А.З. Добровольского и др., бывших узников-колымчан, с которыми Шаламов никогда не разрывал отношения [28, с. 38–41]. Более того, факты свидетельствуют, что протесты против подспудного возврата к сталинизму в 1960-е годы никак не ограничивались только диссидентской средой. Сразу по окончании процесса Синявского и Даниэля в Москве широко распространялись в копиях письма в адрес Первого секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, где выражалась озабоченность предполагаемой реабилитацией Сталина. Письма были подписаны рядом видных деятелей науки и культуры СССР, в большинстве своем лояльных власти.

15 марта 1966 г. Председатель КГБ В.Е. Семичастный не без чувства тревоги сообщал в Центральный комитет партии: «Комитет государственной безопасности докладывает, что в Москве получило широкое распространение письмо, адресованное первому секретарю ЦК КПСС, подписанное 25-ю известными представителями советской интеллигенции, в том числе – академиками Таммом И.Е., Капицей П.Л., Майским И.М., Арцимовичем Л.А., писателями Паустовским К.Г., Катаевым В.П., Чуковским К.И., Тендряковым В.Ф., актерами и режиссерами Плисецкой М.М., Роммом М.И., Товстоноговым Г.А., Смоктуновским И.М., художниками Кориным П.Д., Пименовым Ю.И. и другими»¹⁵. В основе письма лежит мне-

¹⁴ Выразитель этой точки зрения, биограф Шаламова В.В. Есипов, в частности, указывает: «Обстоятельства, сопутствовавшие написанию этого письма, исследованы пока не до конца. Разумеется, суд над писателями... не мог не вызвать у Шаламова негодования. Вероятно, свои чувства он высказывал в кругу Надежды Яковлевны Мандельштам и именно там, а не у самого Шаламова – по логике его литературного поведения – и созрела инициатива написания публицистического письма в жанре практиковавшихся еще до революции “Писем к...”» [7, с. 277]. Эта, основанная не столько на фактах, сколько на «авторской интуиции» версия вызвала справедливые, на наш взгляд, возражения, что проявилось, в частности, в полемике историка А.Ю. Даниэля (сына Ю.М. Даниэля) с В.В. Есиповым при обсуждении книги последнего «Шаламов», вышедшей в серии ЖЗЛ: «Кстати, тут мне совсем непонятно, – указывал А.Ю. Даниэль, – в книге есть предположение, что это письмо было кем-то инспирировано, что Шаламов не был сам инициатором этого письма, что его попросили написать это письмо. Ссылка тут идет на кружок Надежды Мандельштам – что в этом кружке кто-то попросил написать это письмо, и Шаламов взялся за это, считая своим общественным долгом. Я заметил, что у автора [В.В. Есипова] очень фундированы его утверждения, но это утверждение почему-то не фундировано, оно остается предположением, читается как предположение, и меня это предположение не убедило. Может быть, есть какие-то свидетельства, хотя бы косвенные, того, что это так, но они здесь не приведены. Я понимаю, откуда могло взяться это предположение: Варлам Тихонович, как известно, очень резко впоследствии отзывался о людях, которые не удержали его тайны (письмо было анонимным). И тот факт, что Комитету госбезопасности стало известно, что автор этого письма – Шаламов, конечно, вызвал его крайнее недовольство. Но Шаламов вообще довольно резко отзывался о людях: и о том же кружке Надежды Яковлевны, и об отдельных людях, входивших в этот кружок, случались у него резкие отзывы. Но это все постфактум, задним числом, это никак не доказывает, что письмо было написано не по его инициативе: им написано, но инициатива была не его» [13].

¹⁵ Выдержки из текста одного из писем, найденных нами в Российском Государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), приводим здесь: «Глубокоуважаемый Леонид Ильич! В последнее время в некоторых выступлениях и статьях в нашей печати проявляются тенденции, направленные по сути дела, на частичную или косвенную реабилитацию Сталина. Мы не знаем, насколько такие тенденции, учащающиеся по мере приближения XXIII съезда, имеют под собой твердую почву. Но, даже если речь идет только о частичном пересмотре решений XX и XXII съездов, это вызывает глубокое беспокойство. Мы считаем своим долгом довести до Вашего сведения наше мнение по этому вопросу. Нам до сего времени не стало известно ни одного факта, ни одного аргумента, позволяющего думать, что осуждение культа личности было в чем-то неправильным. Напротив, трудно сомневаться, что значительная часть разительных, поистине страшных фактов о преступлениях Сталина, подтверждающих абсолютную правильность решений обоих съездов, еще не передана гласности. Дело в другом. Мы считаем, что любая попытка обелить Сталина таит в себе опасность серьезных расхождений внутри советского общества. На Сталине лежит ответственность не только за гибель бесчисленных невинных людей, за нашу неподготовленность к войне, за отход от ленинских норм в партийной и государственной жизни. Своими преступлениями и неправыми делами он так извратил идею коммунизма, что народ этого никогда не простит. Наш народ не поймет и не примет отхода, – хотя бы частичного – от решений о

ние подписавшихся о том, что в последнее время якобы наметились тенденции, направленные на частичную или полную реабилитацию Сталина, на пересмотр в этой части решений XX и XXII съездов партии. В связи с этим авторы письма считают, что реабилитация Сталина приведет к расколу между КПСС и компартиями Запада, к серьезным расхождениям внутри советского общества, вызовет большое волнение среди интеллигенции, серьезно осложнит обстановку среди молодежи и поставит под удар все достижения в области международного сотрудничества, поэтому они выражают свой протест против какой-либо реабилитации Сталина. <...> Сбор подписей под названным документом в настоящее время намерены продолжить, причем инициаторы этого дела стремятся привлечь к нему новых деятелей советской культуры: дал согласие подписать письмо композитор Д. Шостакович, должна была состояться беседа с И. Эренбургом по этому поводу, обсуждается вопрос, стоит ли обращаться за поддержкой к М. Шолохову и К. Федину, предполагается, что письмо будет подписано также некоторыми крупными учеными-медиками. Причем каждому подписавшемуся оставляется копия документа. <...> Как видно, главной целью авторов указанного письма является не столько доведение до сведения ЦК партии своего мнения по вопросу о культе личности Сталина, сколько распространение этого документа среди интеллигенции и молодежи. Этим, по существу, усугубляются имеющие хождение слухи о намечающемся якобы повороте к “сталинизму” и усиливается неверное понимание отдельных выступлений и статей нашей печати, направленных на восстановление объективного, научного подхода к истории советского общества и государства, создается напряженное, нервное настроение у интеллигенции перед съездом. Следует заметить, что об этом письме стало известно корреспонденту газеты “Уни-та” Панкальди, а также американскому корреспонденту Коренгольду, который передал его содержание в США»¹⁶ [2]. Немногим позже, 18 марта, Семичастным в адрес ЦК КПСС было послано и второе официальное письмо, где он сообщает о новых подписантах и новых протестных письмах (см. рис. 2).

Данные документы, хранящиеся ныне в РГАСПИ¹⁷, показывают, что с этими петициями были ознакомле-

ны секретари ЦК. Хотя в указанных письмах нет никакого упоминания о процессе Синявского – Даниэля или других репрессиях, синхронность их появления со временем окончания процесса и кампанией протеста против приговора вряд ли случайна. В этом отношении «Письмо старому другу» Шаламова по его духу и букве можно рассматривать как своеобразный мост между двумя петиционными кампаниями.

Первая публикация «Колымских рассказов» во Франции

Таким образом, середина 1960-х годов была временем глобальной переоценки социально политических ценностей, когда распространение информации о сталинизме, как документов, так и произведений художественной литературы, было востребовано в мире. В воздухе витала идея социализма, альтернативного сталинской модели. Шаламов, как это видно из его комментариев в записных книжках, отслеживал информацию о западных левых. Из процитированных нами источников, включая «Письмо старому другу» Шаламова и петиции в адрес Брежнева, видно, что распространение правды о сталинизме рассматривалось их авторами как лекарство от его рецидивов. Брожение умов захватило также и компартии «Восточного блока», где в послевоенный период в той или иной мере была скопирована сталинская модель. Ввод войск СССР и союзников в Чехословакию, покончивший с альтернативными социалистическими экспериментами, прервал развитие этих тенденций.

В 1969 году во Франции, вскоре после антикапиталистических волнений, в сборнике «Les Lettres Nouvelles» вышла книга Шаламова «Récits de Kolyma» (Колымские рассказы). Издатель – Морис Надо (Maurice Nadeau), как мы писали ранее, до 1945 года был активистом троцкистского движения во Франции. После окончания Второй мировой войны он сосредоточился на литературной и издательской деятельности, придерживаясь до конца жизни левых политических взглядов. В 2008 году в телефонном разговоре М. Надо сообщил нам, что рукопись «Колымских рассказов» была получена им и опубликована с ведома и с согласия автора. Несколько позже он передал автору данной работы письмо следующего содержания: «Я опубликовал в “Les Lettres Nouvelles” в 1969 году “Колымские рассказы” Варлама Шаламова после того, как получил микрофильм, переданный мне моей подругой Жанной Леви. С ее слов, она получила пленку у сотрудника французского посольства, который скрыл ее в пакете с продуктами, чтобы провести через границу. Супруги Жанна и Рауль Леви были моими давними друзьями, которые поддерживали отношения с советскими диссидентами. Сам я поддерживал отношения с Борисом Пастернаком, опубликовал письмо, которое он мне направил, а также имел контакты с Солженицыным и некоторыми другими (Николаем Боковым), тексты которых я также

культе личности. Вычеркнуть эти решения из его сознания не может никто... Не менее серьезной представляется нам и другая опасность. Вопрос о реабилитации Сталина не только внутривнутриполитический, но и международный вопрос. Какой-либо шаг в направлении к его реабилитации безусловно создал бы угрозу нового раскола в рядах мирового коммунистического движения, на этот раз между нами и компартиями Запада. С их стороны такой шаг был бы расценен прежде всего, как наша капитуляция перед китайцами, на что коммунисты Запада ни в коем случае не пойдут... Мы не говорим уже о том, что любой отход от решений XX съезда настолько осложнил бы международные контакты деятелей нашей культуры, в частности, в области борьбы за мир и международное сотрудничество, что под угрозой оказались бы все достигнутые результаты» [1].

¹⁶ Факт распространения этих писем на Западе подтверждается ссылками на тексты писем в упомянутой нами ранее книге Р. Гароди «Крутой поворот социализма» [4, с. 138].

¹⁷ Тексты этих документов под названиями «Письмо 25-ти» и «Письмо 13-ти», со ссылкой на Архив Президента РФ, где они находились, были частично опубликованы в российских СМИ еще более 10-ти лет назад (Электронный ресурс <https://novayagazeta.ru/>

articles/2010/02/22/4620-pismo-25-ti). Нам удалось обнаружить оригиналы указанных записок В.Е. Семичастного в ЦК КПСС, сделанные на бланках КГБ СССР и приложенные к ним машинописные копии протестных писем с визами аппарата ЦК. Документы переданы в Российский Государственный архив социально-политической истории из Архива Президента РФ.

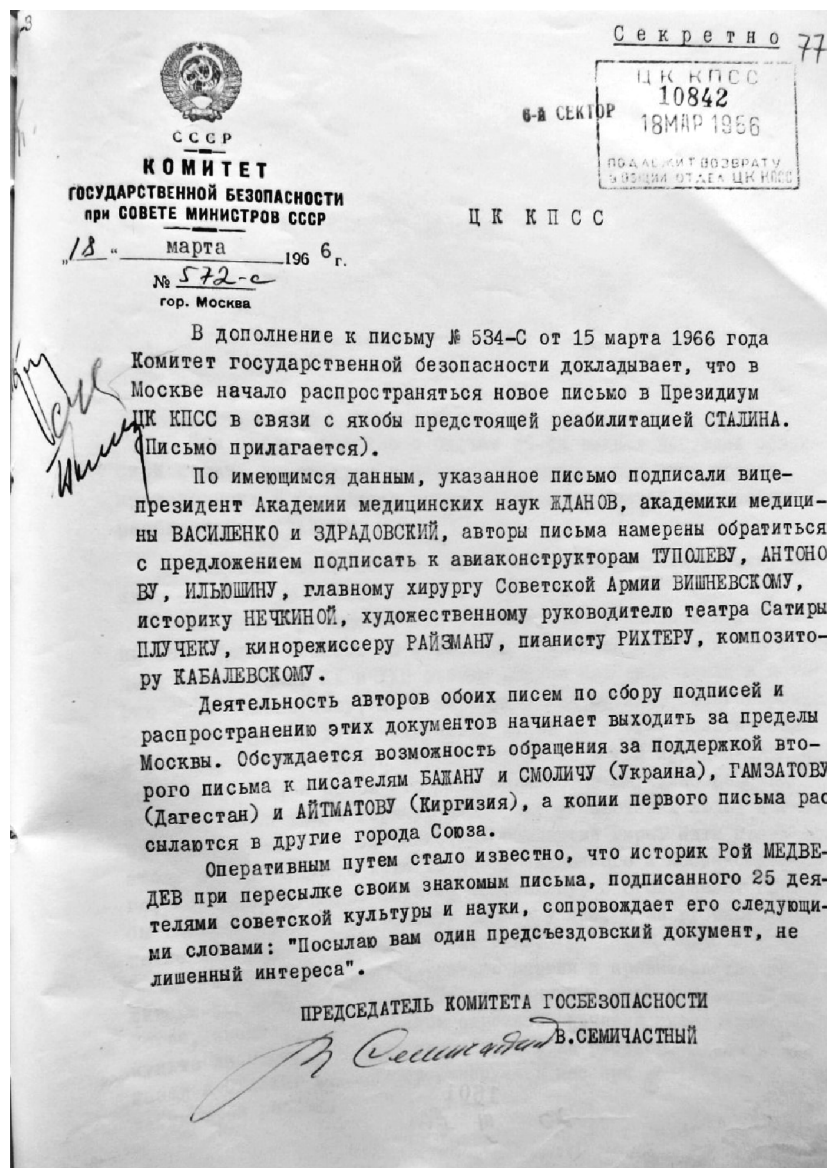

Рис. 2. Письмо В.Е. Семичастного в ЦК КПСС
по поводу продолжающейся протестной кампании против реабилитации Сталина.
Из фондов РГАСПИ

публиковал в “Les Lettres Nouvelles”. Что касается Шаламова, то я имел основания отнестись к материалу с недоверием, опасаясь провокаций ГПУ с учетом предыдущих попыток спецслужб скомпрометировать мою деятельность на посту главного редактора журнала. Я попросил Жанну Леви предоставить мне доказательства 1. существования Шаламова, 2. его желания быть опубликованным во Франции в левом издании. Несколькоими месяцами позже эти доказательства были мне предоставлены в виде: 1. фотографии автора – человека с очень изможденным лицом, которая имела дарственную надпись, 2. его согласия быть опубликованным во Франции. Эти документы стали частью архива Lettres Nouvelles, принадлежащего редактору Рене Жильяру (René Juilliard). У меня не было ни желания, ни средств, чтобы опубликовать весь сфотографированный текст. Я проконсультировался с двумя друзьями, переводчиками-русистами, которые осуществили отбор текстов, опубликованных мной под названием “Колымские

рассказы”. Хочу добавить, что сведения обо мне можно получить из “Советской энциклопедии”, где я фигурирую как “враг СССР”, “слуга капитала” и “опасный троцкист”¹⁸.

Данный текст, написанный через 40 лет после выхода книги, при всей его однозначности, не удовлетворил исследователей полностью. В 2020 году к нему добавились воспоминания переводчика «Колымских рассказов» Жан-Жака Мари, которые мы с небольшими сокращениями приводим ниже.

«...Трудно собрать воспоминания, которые относятся к событиям примерно 55-летней давности и основаны на очень небольшом количестве письменных

¹⁸ Впервые опубликовано: Головинский Марк. К вопросу о происхождении первых зарубежных изданий «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова // Шаламовский сборник. Вып. 4 / сост. и ред. В.В. Есипов, С.М. Соловьев. М.: Литера, 2011. С. 197–214. URL: <https://shalamov.ru/research/219/> (дата обращения: 10.06.2021). Текст письма хранится в фондах «Шаламовского дома».

документов. Если я не ошибаюсь, хотя последнее маловероятно, однажды в 1965 году мне позвонил Морис Надо и сказал: “Один из моих знакомых, который находится в Москве, несколько месяцев назад отправил мне письмо через дипломатическую почту, в котором находится микрофильм романа о сталинских концлагерях. Автора зовут Варлам Шаламов, он провел много лет в лагерях. Знаете ли вы его?”. В то время Морис Надо отвечал за издание альманаха в издательстве Denoël, и одноименного журнала “Les Lettres nouvelles” (Новая литература). В 1962 году он выпустил специальный выпуск этого журнала, озаглавленный “Современные советские писатели”, подготовленный переводчиком “Мастера и Маргариты” Булгакова, Клодом Линьи и мной (я в данном случае выступал под псевдонимом Пьер Форр). Эти детали объясняют, почему Морис Надо, также бывший троцкист, обратился ко мне в то время за советом.

Les Lettres nouvelles – это литературный альманах, а также одноименное литературное обозрение, не имевшее политической окраски, как и подавляющее большинство подобных изданий во Франции. Вместе с тем, хотя альманах и обозрение не являлись “троцкистскими”, а издательство, которое их издавало, – тем более, во французских журналистских и литературных кругах было хорошо известно, что М. Надо был “троцкистом” и, перестав им быть (политически. – М. Г.), он не отрекался от своего прошлого. Политические интересы подталкивали М. Надо к публикации произведений, которые придадут определенную ценность его коллекции. Среди них была опубликованная в 1962 году книга бывшего лидера французских “троцкистов” Пьера Навилля “Trotsky vivant”, работа самого Троцкого “Литература и революция”, а также книга Жерара Розенталя, бывшего адвоката Троцкого, о деле Кирова под названием “Mémoire pour la réhabilitation de Zinoviev”. Время от времени журнал Les Lettres Nouvelles публиковал тексты об Андре Бретоне и Троцком, и даже о некоторых советских диссидентах, которые я ему предоставлял. Именно эта ориентация, сознательная и постоянная, позволила мне сотрудничать с Надо вплоть до его смерти в 2013 году в возрасте 102 лет. Первое, что беспокоило Надо, когда он принимал решение о публикации текстов того или иного писателя, – это их литературное и художественное качество. Его не интересовал жанр пропаганды в стиле “соцреализма”. Как только он дал мне русский текст “Колымских рассказов”, его первым вопросом было: “Какова их литературная ценность”.

В 1965 году, если не ошибаюсь, журнал “Юность”, подписчиком которого я был, уже публиковал стихи Варлама Шаламова, но имя это для меня ничего не значило. Вот что я ответил Морису Надо, очевидно, рекомендуя ему прислать этот микрофильм, который придет через несколько недель с дипломатической почтой. Надо распечатывает текст на бумаге и отправляет его мне по почте. Я быстро читаю текст, и меня поразила эта урезанная, сухая, чистая проза, которая описывает совершенно трагический мир, без малейшего пафоса, без какой-либо сентиментальности, без какого-либо смягчения, и сам

автор которой, кажется, поднимается над ситуациями, описываемыми им (переживая их интенсивно изнутри) на удивительное расстояние. Поэтому я пишу восторженный отзыв, к сожалению, я не сохранил дубликата. Надо был убежден этим и решает издать “Колымские рассказы”. Он поручает перевод мне и молодой переводчице Кате Керел. Я решил для себя, что лучше не ставить в неловкое положение автора, пережившего ГУЛАГ, ставя на книге мое имя “троцкиста” в качестве переводчика сочинений, циркулирующих в самиздате и не предназначенных для публикации в СССР. Ранее, в 1960–61 годах, я читал курс французского языка. У меня был двухлетний контракт, но власти, получив информацию о моих политических взглядах, сочли целесообразным не продлять контракт. Поэтому я беру псевдоним Оливье Симон. Через два года в том же альманахе “Les Lettres nouvelles” я опубликую перевод “Треугольной груши” Андрея Вознесенского, который подпишу своим именем, полагая, что перевод тома, изданного в СССР, официально не создаст автору проблем и рисков, которые возникли бы для автора самиздата. Поскольку СССР не подписывал Бернскую конвенцию об авторском праве, советские писатели могли публиковаться без разрешения и без авторских прав, особенно те, кого в СССР не печатали. В то же время мы знали, что в СССР существует уголовное преследование “за незаконный оборот иностранной валюты”, и получение денег из-за границы в качестве гонорара могло попасть под это преследование. Очевидно, если автор заявлял о своих правах, между ним и издателем шли переговоры на условиях, позволяющих избежать озлобления советских властей в отношении автора. Это, скажем так, моральное право не зависело от какого-либо законодательства. Таким образом я перевел и опубликовал в издательстве “Сей” первый роман А. Битова “Трава и небо”, (который я прочитал, если не ошибаюсь в “Юности”) без его разрешения, и он поблагодарит меня за это позже – в 1966 году. Я также перевел и опубликовал циркулировавшие в самиздате стихи Бродского... Очевидно, что позже, по приезде во Францию, издатель подписал с Бродским контракт и заплатил ему в соответствии с французским законом.

Книга “Колымские рассказы” вышла в первом квартале 1969 года. На задней стороне обложки тома после краткой биографии Шаламова дается следующее суждение о его произведениях: “Сразу же напрашивается сравнение со свидетельствами Солженицына и Евгении Гинзбург, тем более что последняя отбывала срок в тех же местах, что и Шаламов. Точка зрения Шаламова на лагерь радикально оптимистична. В то время как у Солженицына и Евгении Гинзбург человек борется за то, чтобы защитить свое человеческое достоинство и чаще всего достигает успеха в этом, у Шаламова лагерь неуклонно разрушает человеческую сущность, низводит человека до уровня животного, убивает его достоинство. Тон рассказов – это просто констатация: ни прилагательных, ни взлетов, ни лиризма. Фраза как частое и неглубокое дыхание узника. Только бесконечное разнообразие жертв разбивает единообразие этого абсурдного и жестокого мира. Целое общество, дро-

бывшееся в мире лагерей, проходит перед нашими глазами»¹⁹.

В процессе подготовки этих воспоминаний Жан-Жаком Мари в своем личном архиве был неожиданно обнаружен документ, относящийся непосредственно к изданию «Récits de Kolyma», где прямо сказано о

переговорах французского издателя с Шаламовым. Это письмо Мориса Надо Жан-Жаку Мари, написанное на бланке издательства «Les Lettres Nouvelles» и от 13 февраля 1966 года²⁰. Ниже мы приводим оригинал письма с русским переводом (рис. 3).

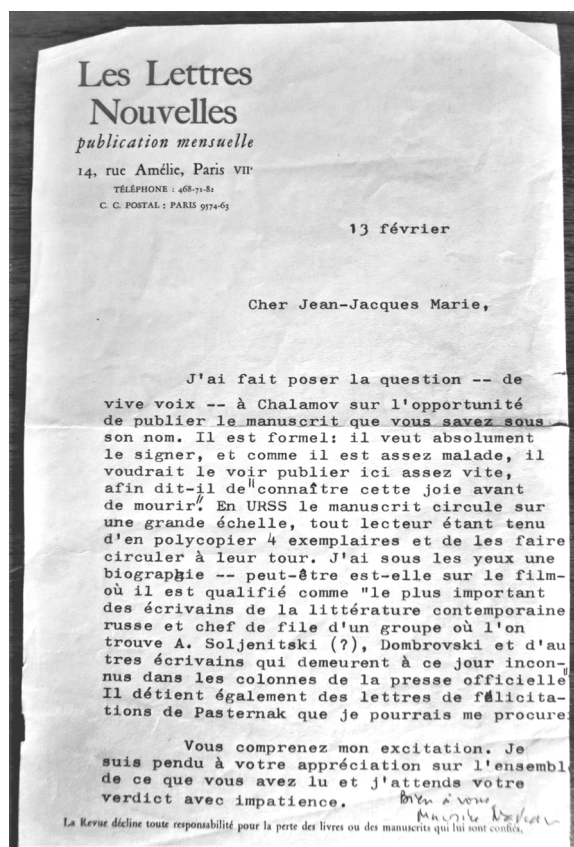

Рис. 3. Письмо Мориса Надо Жан-Жаку Мари об издании французского перевода Колымских рассказов 13.02.1966 г.

13 février. Cher Jean-Jacques Marie, J'ai fait poser la question – de vive voix – à Chalamov sur l'opportunité de publier le manuscrit que vous savez sous son nom. Il est formel: il veut absolument le signer, et comme il est assez malade, il voudrait le voir publier ici assez vite, afin dit-il de "connaître cette joie avant de mourir". En URSS le manuscrit circule sur une grande échelle, tout lecteur étant tenu d'en polycopier 4 exemplaires et de les faire circuler à leur tour. J'ai sous les yeux une biographie -- peut-être est-elle sur le film - où il est qualifié comme "le plus important des écrivains de la littérature contemporaine russe et chef de file d'un groupe où l'on trouve A. Soljenitski (?), Dombrovski et d'autres écrivains qui demeurent à ce jour inconnus dans les colonnes de la presse officielle". Il détient également des lettres de félicitations de Pasternak que je pourrais me procurer. Vous comprenez mon excitation. Je suis pendu à votre appréciation sur l'ensemble de ce que vous avez lu et j'attends votre verdict avec impatience. Bien à vous Maurice Nadeau	13 февраля. Дорогой Жан-Жак Мари. Лично у меня был вопрос к Шаламову о целесообразности публикации известной вам рукописи под его именем. Он категоричен: он абсолютно хочет ее подписать, и, поскольку он очень болен²¹, он хотел бы, чтобы это было опубликовано достаточно скоро, поэтому, по его словам, «познать эту радость перед смертью». В СССР рукопись распространяется в большом количестве, все читатели должны скопировать по 4 копии и передать их по очереди. Перед моими глазами также [его] биография – возможно, она есть в фотопленке, – в которой он квалифицируется как «наиважнейший среди писателей современной русской литературы и лидер группы, в которой мы находим А. Солженицкого (так в тексте, правильно Солженицына. – М. Г.) Домбровского и других писателей, которые до сих пор остаются неизвестными в колонках официальной печати». Еще у него есть поздравительные письма от Пастернака, которые я смогу достать. Вы поймете мое волнение. Я поддерживаю вашу признательность за все, что вы прочитали, и с нетерпением жду вашего вердикта. С уважением Морис Надо
---	---

¹⁹ Оригинал текста данных воспоминаний Жан-Жака Мари и оригинал письма от 13.02.1966 г. находится в фондах «Шаламовского дома» – филиала Вологодской картинной галереи, г. Вологда.

²⁰ 1966 год, не указанный в письме, воссоздан по свидетельству Ж-Ж. Мари.

²¹ Состояние здоровья Шаламова в середине 1960-х годов действительно ухудшилось, что проявлялось стойкими нарушениями слуха, зрения и равновесия при отсутствии точного диагноза. (Прим. автора.) Подробнее см.: Марк Головин. Чем болел Шаламов. Попытка реконструкции «anamnesis morbi» // Шаламовский сборник: Вып. 5 / [сост. В. В. Есипов]. М.: Common place, 2017. С. 598–625.

На наш взгляд, трудно представить, чтобы данное, сугубо деловое и не предназначенное для огласки письмо не отражало реальности переговоров Шаламова с издателем, которые шли через русскоговорящих посредников примерно в то самое время, когда автором было написано упомянутое нами ранее «Письмо старому другу», где Шаламов не только отстаивал свободу слова, но и говорил о гласности как средстве исцеления социальных болезней России.

«Бича и клейма!..»

Что изменилось перед письмом Шаламова в редакцию «Литературной газеты»

Открытое письмо в редакцию «Литературной газеты» от 16 февраля 1972 года, где Шаламов решительно протестует против публикации его Колымских рассказов в эмигрантских изданиях «Посев» и «Новый журнал», было написано на 6 лет позже указанных в предыдущем разделе статьи событий и после «Пражской весны», т.е. фактически в другую эпоху. «Красный май» во Франции давно прошел, у власти там находилось правое правительство голлистов. Активное сближение Мао Цзэдуна с США в 1970–1971 годах на почве антисоветизма породило деморализацию в рядах тех левых, кто ориентировался на китайскую альтернативу «советскому ревизионизму». Социалистическая альтернатива в ЧССР была пресечена введением войск стран Варшавского договора. Левые протесты погасли, уступив место геополитическим играм. Репрессии против советских диссидентов вынуждали их апеллировать к лидерам капиталистического мира для оказания давления на СССР. Взаимные обмены разведчиками или политическими заключенными по линии КГБ – ЦРУ стали все более и более регулярными. Высланные из СССР «инакомыслящие» нередко попадали в поле зрения спецслужб. Эмигрантские организации подверглись инфильтрации КГБ. Владимир Буковский свидетельствовал, что «Народно-трудовой союз» вместе со своим «рупором» «Посев» был наводнен двойными агентами и провокаторами, играя немалую роль в компрометации диссидентского движения [3].

Это согласуется с шаламовскими «мыслями вслух» о наводнении диссидентского движения – «прогрессивного человечества» (ПЧ), как он его называл, провокаторами и агентами КГБ. Именно на основании слов Шаламова «считаю необходимым заявить, что я никогда не вступал в сотрудничество с антисоветскими журналами “Посев” или “Новый журнал”, а также и с другими зарубежными изданиями, ведущими постыдную антисоветскую деятельность» в шаламововедении появилась точка зрения, что писатель «во все времена и веки», дескать, «гнал от себя» иностранцев, предлагавших публикацию его рассказов на Западе, а если публикации-таки делались, то не иначе как обманным пиратским способом. Однако (и выше мы подробно на этом остановились) взгляды и настроения Шаламова в 1960-е и 1970-е годы не были идентичными. Да, в 1972 году Шаламов (в отличие от других диссидентов, включая А.Д. Сахарова) не испытывал никаких иллюзий в отношении западных лидеров, которых «демократизация СССР» интересовала постольку, поскольку соответствовала

их геополитическим устремлениям, но из этого совершенно не следует, что писатель – «сочувственник революции и 20-х годов» пятью годами ранее не учитывал шансы на успех «новых левых» – протестного движения «снизу», которое ставило цель уничтожить глобальную эксплуатацию.

Нельзя также не обратить внимания, что, пытаясь абсолютно отмежеваться от причастности к публикации «Колымских рассказов» в «Посеве» и «Новом журнале», Шаламов в письме в «Литгазету» ни словом не обмолвился об издании их переводов в виде книг, в частности, во Франции, которое было по сути дела синхронным с «посевовскими» публикациями. Мы также считаем, что, помимо литературно-философских и идейных причин, появление письма в «Литгазете» имело политические и тактические основания. Так, одним из побудительных факторов письма в «Литгазету» могла быть публикация за рубежом текста «Письма старому другу», который был признан антисоветским уже на новом процессе над составителями «Белой книги» – А. Гинзбургом и Ю. Галансковым. Шаламов, получавший сведения о процессе А. Синявского и Ю. Даниэля, мог также следить за доступной информацией о процессе Гинзбурга – Галанскова и мог знать об инкриминируемых им связях с «Посевом», сведения о которых попали в печать. В 1972 году здоровье заключенного Ю. Галанскова резко ухудшилось, он умер в лагерной больнице. Элементарный здравый смысл должен был подсказать Шаламову: 1) графологическая экспертиза анонимных текстов в КГБ проводится профессионально; 2) появление «Колымских рассказов» в изданиях «Посева» может быть увязано с делом о «Белой книге», где находился и его авторский текст, и которая в силу обстоятельств была издана в том же издательстве «Посев». Этого было бы достаточно для судебного преследования, которого больной писатель вряд ли смог бы перенести. Единственно правильным решением в такой ситуации было превентивно, жестко и публично отмежеваться от «Посева» и НТС.

Литература

1. РГАСПИ. Фонд 17. Опись 171. Ед. хр. 495. Л. 74–76.
2. РГАСПИ. Фонд 17. Опись 171. Ед. хр. 495. Л. 72–73.
3. Буковский, В. Психиатрический ГУЛАГ / В. Буковский. – URL: <http://hvp.by.ru/gulag.htm/> (дата обращения: 10.06.2021). – Текст : электронный.
4. Гароди, Р. Крутой поворот социализма / Р. Гароди. – Франкфурт-на-Майне : Посев, 1974. – 333 с.
5. Гинзбург, А. Двадцать лет тому назад / А. Гинзбург // Русская мысль. – 1986. – 14 февраля (№ 3608).
6. Емельянов, Т. Лоскутные знамена «новых левых» / Т. Емельянов // Литературная газета. – 1970. – 31 октября (№ 43).
7. Есипов, В. В. Шаламов / В. В. Есипов. – Москва : Молодая гвардия, 2012. – 346[6] с. – (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1374.)
8. Есипов, В. В. Максимов, Мисима, Бжезинский и другие (по следам одной загадочной записи Шаламова) / В. В. Есипов. – URL: <https://shalamov.ru/research/263/> (дата обращения: 10.06.2021). – Текст : электронный.
9. Иванов, В. В. Аввакумова доля / В. В. Иванов. – URL: <https://shalamov.ru/research/114/> (дата обращения: 11.06.2021). – Текст : электронный.
10. Кривицкий, А. Плоды просвещения г-на Бжезинского. По поводу антикоммунистической теории эволюции /

- А. Кривицкий // Литературная газета. – 1969. – 26 марта (№ 13).
11. Латышев, И. А. О перспективах политического развития Японии накануне так называемого кризиса 1970 года / И. А. Латышев // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. – 1970. – № 5 (110). – 142 с.
 12. Михайлик, Е. Спасения нет. Беседа с филологом Еленой Михайлик о прозе Варлама Шаламова / Е. Михайлик. – URL: <https://gorky.media/context/spaseniya-net/> (дата обращения: 10.06.2021). – Текст : электронный.
 13. Обсуждение книги В. В. Есипова «Шаламов» в серии ЖЗЛ в Государственном музее истории ГУЛАГа. – URL: <https://shalamov.ru/events/47/> (дата обращения: 11.06.2021). – Текст : электронный.
 14. Поляков, Ю. Не люблю иллюзий / Ю. Поляков // Литературная газета. – 2015. – 3 июня (№ 22).
 15. Путников, М. Конец самурая / М. Путников // Литературная газета. – 1970. – 9 декабря (№ 50).
 16. Сахаров, А. Д. Тревога и надежда. Один год общественной деятельности Андрея Дмитриевича Сахарова / А. Д. Сахаров. – Нью-Йорк : Хроника, 1978. – 198 с.
 17. Сиротинская, И. П. Мой друг Варлам Шаламов / И. П. Сиротинская. – Москва, 2006. – 199 с.
 18. Солженицын, А. С. Варламом Шаламовым / А. Солженицын // Новый мир. – 1999. – № 4. – С. 166–168.
 19. Три интервью в храме Яскуруни // Литературная газета. – 1969. – 01 января (№ 1).
 20. Фоянков, И. Японские диалоги / И. Фоянков // Литературная газета. – 1970. – 17 июня (№ 25).
 21. Чеботаревская, Т. Контрасты Японии / Т. Чеботаревская // Литературная газета. – 1969. – 08 января (№ 2).
 22. Шаламов, В. Из глубины. Мысли и афоризмы / В. Шаламов. – Москва : Летний сад ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2016. – 123 с.
 23. Шаламов, В. Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела / В. Т. Шаламов. – Москва : Эксмо, 2004. – 1066 с.
 24. Шаламов, В. Т. Письмо старому другу / В. Т. Шаламов // Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. – Москва : Книга, 1989. – 530 с.
 25. Шаламов, В. Собрание сочинений в шести томах / В. Шаламов. – Москва : Терра, 2004–2005. – Т. 4. – 640 с.
 26. Шаламов, В. Собрание сочинений в 6 т. + 7 т. Доп. том 7. – Москва : Терра : Книжный Клуб Книговек, 2013. – 528 с.
 27. Шаламов, В. Стихотворения и поэмы : в 2 томах / В. Шаламов. – Санкт-Петербург : Издательство Пушкинского дома. Вита Нова (Новая Библиотека поэта), 2020. – Т. 2. – 639 с.
 28. Яроцкий, А. С. Золотая Колыма. Воспоминания А. С. Яроцкого о Колыме в литературном контексте / А. С. Яроцкий ; вст. ст. Н. М. Малыгиной ; подг. текста Н. М. Малыгиной, Л. Н. Анпиловой, Т. И. Исаевой ; коммент. Н. М. Малыгиной. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. – 372 с.

M.V. Goloviznin

VARLAM SHALAMOV AND THE LEFT-WING POLITICAL DISCOURSE OF THE 1960S

The article analyzes the materials and new documents concerning the problem “Shalamov and western left political discourse”. It considers the publication of the first French translation of Shalamov's “Kolyma Tales”, published in 1969 by Maurice Nadeau (1911–2013), a left-wing political activist and former member of the French Section of the Fourth International. The article presents previously unknown documents from the personal archive of Jean-Jacques Marie, a French translator. Maurice Nadeau's letter which proves that Shalamov knew about the translation of “Kolyma Tales” into French and gave permission to publish them in France is among these documents. The article also analyzes Shalamov's “Letter to the Old Friend” and his notebooks, in which he evaluated the Western Leftists (Che Guevara, Herbert Marcuse, Roger Garaudy, etc). A careful study of Shalamov's interest in Western left radicals (and the ideas of socialist alternative to the Stalinist model) proves the possibility of bilateral contacts between them. Shalamov's ideas about glasnost as the best healer of Russia's “social ulcers” expressed in his “Letter to the Old Friend” explain the possibility of sending “Kolyma Tales” abroad for translation. On the other hand, the decline of the leftist movement in the 1970s and the turn of the dissident movement in the USSR to Western capitalism caused Shalamov's negative reaction which was reflected in his letter to Literaturnaya Gazeta on February 16, 1972.

Shalamov Varlam, Maurice Nadeau, Jean-Jacques Marie, Kolyma Tales, New Left, USSR dissident movement.